

ДНЕВНИК ЧЕЛОВЕКА

По всей видимости, только я никоим образом не причастен к разрушению Советского Союза. Так, во всяком случае, мне хочется думать. Можете со мной спорить, но не из пустой прихоти или тайного тщеславия появился на свет именно этот, воистину всемирно-исторический дневник. Нет, завел я его с единственной целью — обеспечить себе духовное алиби. Ведь как ни притворяйся настоящим советским человеком, а однажды тебя непременно разоблачат. И вовсе неспроста мысленному моему взору слишком часто представлялась следующая малоутешительная картина: под занавес допроса матерый следователь победоносно достает из ящика стола раздобытый ушлыми оперативниками дневник, коему я поверял свои самые сокровенные мысли и чаяния. Разве не обидно в подобной ситуации сознавать, что этакая духовная шалость, иллюзия, мираж, безусловно, перевесит в качестве доказательства годы безупречного притворства и реального верноподданничества? Думаю, не иначе как от досады меня и осенило. А что если в обычной жизни быть самим собой, а вот дневник вести так, словно я настоящий советский человек?

Сказано — сделано. Когда я убеждался, что дома все уснули, и даже последний сверчок сам себя утомил, я на цыпочках подкрадывался к заветному тайнику, извлекал драгоценную рукопись, и устроившись на кухне под столом, при свете лучины вносил очередную запись. Например: "Число. Месяц. Сегодня исполнилось шестьдесят три года со дня рождения Кунаева Динмухамеда Ахмедовича, видного советского государственного и партийного деятеля, первого секретаря ЦК КП Казахстана. Чувство глубокого удовлетворения не покидает меня с самого раннего утра. Да и кого может оставить равнодушным даже краткий перечень заслуг и свершений товарища Кунаева, видного советского государственного и партийного деятеля, первого секретаря ЦК КП Казахстана? И т. д.". День ото дня, вернее, ночь за ночью, в кратких своих записях я клеймил, выражал братскую солидарность, благодарил за неустанную заботу, давал гневную отповедь — и вот однажды оказался задержанным органами государственной безопасности.

Напрасно я пытался изобразить политическую невинность. Как правило, в конце очередного многочасового допроса один из следователей выкладывал на стол неопровержимые СВИДЕТЕЛЬСТВА того, как полгода назад я скептически усмехнулся на комсомольском собрании,

или как три месяца назад глаза мои не загорелись неподдельным возмущением при упоминании имени Голды Меир. Конечно, я исписывал килограммы бумаги, объясняя, что вовсе не усмеялся, но лишь особое расположение света и тени на моем лице ввели в заблуждение славного тайного помощника органов, бдительно наблюдавшего за моим поведением. Я чертил схемы специфики освещения в том именно месте, где я сидел на злополучном собрании, но экспертиза всякий раз ставила под сомнение мою искренность.

Силы постепенно оставляли меня, но делу не видно было конца. Уже не менее пяти научно-исследовательских институтов полными составами переключились исключительно на тематику, связанную с раскрытием моего подлинного лица, уже были чувствительно сокращены годовые бюджеты нескольких сельскохозяйственных и даже тяжелопромышленных областей с целью максимально повысить эффективность оперативно-розыскной работы по моему делу, но все-таки решающего успеха, такого, чтобы у самого злостного очернителя советской действительности не возникло малейшего повода усомниться в правомерности репрессий властей по отношению ко мне, добиться не удавалось.

И вдруг допросы, очные ставки и следственные эксперименты внезапно прекратились. Несколько суток меня не вызывали, а еще через какое-то время из моей камеры отселили провокатора, который месяца три тщетно уговаривал меня прорыть подкоп в кабинет следователя, выкрасть оттуда радиоприемник и, хоть разок вдоволь наслушавшись Би-БиСи, вернуть приемник на место и засыпать подкоп. Я понял, что дневник мой обнаружен. Однажды в камеру вошли пятеро с лицами головорезов и повадками дипломатов. Туманно представившись, они, не переставая изысканно извиняться, натянули мне на голову светонепроницаемый пакет и, осведомившись о самочувствии, вывели, как я понял, из здания тюрьмы.

Путь предстоял неблизкий. Сначала мы ехали на автомобиле, потом пересели в самолет. Посреди полета с меня сняли светонепроницаемый пакет, побрили, подстригли, опрыскали дезодорантом, накормили и снова вернули пакет на голову. "Неужели меня решили обменять на Луиса Корвалана, о котором я несколько раз так тепло отзывался в своем дневнике?" — терялся в догадках я. Наконец, после долгого спуска в лифте меня провели по довольно извилистым коридорам, завели в некую комнату и предложили сесть. Удивительно, до чего быстро человек привыкает обходиться без помощи зрения. Конечно же, чисто умозрительно жаль утраченной

способности к светоощущению, но с другой стороны, начинаешь как-то неизмеримо глубже, а главное, пронзительней ощущать окружающее тебя пространство. Я почему-то сразу понял, что слева от меня находится стеллаж с полным собранием сочинений классиков марксизма-ленинизма, справа бар с выпивкой, которую мне вряд ли предложат, а передо мной стол, за которым восседает член Политбюро ЦК КПСС, председатель КГБ СССР Юрий Владимирович Андропов, и в руках у него мой дневник.

— Итак, — начал Андропов, когда мы остались одни, — вы тут пишете, — он не торопясь полистал дневник и, наконец, принялся монотонно меня цитировать: "Число. Месяц. Сегодня электронные средства массовой информации разнесли по стране и миру радостную весть о том, что Юрию Владимировичу Андропову присвоено воинское звание генерала армии. Волна счастья сразу же нахлынула на меня. Наконец-то! Душа так и пела: сегодня Юрию Владимировичу Андропову присвоено воинское звание генерала армии! Я раскрыл утреннюю почту. На первых полосах всех без исключения газет сообщалось, что сегодня Юрию Владимировичу Андропову присвоено воинское звание генерала армии. Я ущипнул себя за ухо: а вдруг это только дивный сон..." — Андропов прервал чтение, прошелся по кабинету и совершенно неожиданно признался:

— Вот и я сочиняю стихи, и представьте себе, не написал пока ни одного о роли партии в построении развитого социализма или хотя бы о роли комсомола в воспитании молодежи — все больше о любви, знаете ли, семье, природе. В сущности, вы лучше меня.

— Господь с вами, Юрий Владимирович!

— Нет, нет, не спорьте. В сущности, вы лучше всего советского народа, этого крайне лицемерного строителя коммунизма. Знаете что? Напишите-ка мне донос на весь советский народ, а я возьму и долбану по нему всем своим ракетно-ядерным потенциалом.

— Но Юрий Владимирович, — несмотря на охвативший меня ужас, осмелился возразить я, — ведь двадцать миллионов лучших представителей этого народа являются членами и кандидатами в члены КПСС.

— Двадцать миллионов? Да вы смеетесь надо мной! Впрочем, ради двадцати миллионов настоящих коммунистов я, конечно, не долбану.

— А ради двух миллионов?

— И ради двух не долбану.

— А ради одного?

— Вы правы, ради одного, пожалуй, и мартыся не стоит. Но с другой стороны, как вы полагаете, на сколько времени можно еще растянуть

строительство коммунизма, имея в наличии лишь один миллион настоящих коммунистов?

— Ну, лет на семьсот-восемьсот, — осторожно, стараясь все-таки не оскорблять здравого смысла и не слишком далеко выходить из границ реальности, предположил я.

— То есть в исторической перспективе — совсем ничего, — почти радостно подхватил Андропов. Он встал, задумчиво прошелся по кабинету, остановился у стеллажа с томами печатных трудов собственных предтеч, вздохнул и, вернувшись на свое рабочее место, продолжил: — Поэтому и нужна вечная идея. Понимаете? Вечная! Жить, например, чтобы покорять пространство и время. Как вы это находите?

— По-моему, хорошо.

— А вот Дмитрий Федорович Устинов так не считает. На редкость прагматичный человек. Спит и видит, как я умру, а он станет Генеральным секретарем. Как будто плох тот коммунист, который не мечтает стать Генеральным секретарем. Где это написано? И снимите вы, наконец, этот идиотский светонепроницаемый колпак. Мне трудно разговаривать с вами, не видя вашего лица.

Пришлось подчиниться.

— Так вот вы какой, — удивился Андропов. — А я думал, вы совсем другой.

— А я вас сразу узнал. Да и сейчас меня не покидает чувство, будто не с вами, а с вашим портретом беседую.

— Ай, бросьте вы, в самом деле! Хотя, признаться, и меня не оставляет ощущение, словно разговариваю не с вами, а с вашим личным делом. Однако все мы время от времени и до поры до времени только люди. Вы лучше подскажите, чем можно занять народ, который уже осуществил свою национальную идею? Вот в чем вопрос текущего момента, как говорил Гамлет. Идея свыше нам дана, а коль не дадена, — хана! Извините за рифму, совершенно эстетически неуместную в контексте нашего диалога. Вероятно, нечаянный выплеск подсознания. С вами не бывает? Увы, мой друг, ни люди, ни даже их высшие руководители совершенно не в состоянии производить никаких идей, включая и ложные. Это говорю вам я, верный ленинец, беззаветный борец за мир и социальную справедливость. Как было сказано: "Бог дал, Бог взял". Особенно это касается идей. Так что, давайте помолимся о даровании нам национальной идеи. Кстати, мне лично очень понравился ваш дневник. Непременно дам его почитать своим соратникам по Политбюро. А теперь — ступайте. Вам принесут извинения

и наградят орденом, пожалуй, даже двумя. Вы их вполне заслужили. И смотрите, чтобы вас не пристрелили при попытке к бегству. Мне было бы очень жаль. Ну, ступайте, ступайте же! — он снял очки, прикрыл лицо ладонями и разрыдался.

Разрыдался и я, правда, уже через много лет и, кажется, по другому поводу. Где теперь мой дневник? Где Советский Союз? Где Андропов? Вряд ли кто-либо из живущих, в том числе и я, способен вразумительно ответить на эти вопросы. Однако и повествование мое подошло к концу, и читателю, разумеется, не терпится узнать, что стало хотя бы со мной. Ну что ж, после того как меня действительно чуть было морально не пристрелили при попытке получить статус беженца в США, я переселился в Израиль, маленькую страну в Восточном Средиземноморье, где и дожил до глубокой старости, выращивая фрукты и овощи, названия которых не в состоянии запомнить. Вот, собственно, и все. Здешняя жизнь совершенно не располагает к ведению дневника.

Иерусалим

